

18+

ЛЮДМИЛА ЗАХАРОВА

Кошачий бог

АНТИУТОПИЯ. КНИГА ВТОРАЯ

Людмила Захарова

**Кошачий бог.
Антиутопия. Книга вторая**

«Издательские решения»

Захарова Л.

Кошачий бог. Антиутопия. Книга вторая / Л. Захарова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510299-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Антиутопия в жанре климатической фантастики (cli-
fi) о последствиях глобального потепления и верных котиках. Конец света
наступит, но не так, как мы думаем.

ISBN 978-5-00-510299-7

© Захарова Л.
© Издательские решения

Содержание

1. Пилот первого поколения	6
2. Планетарный кризис	8
3. Кошка Удача	10
4. Первая любовь	12
5. Белый человек	15
6. ИР-ум	18
7. Санька	20
8. Папка	22
9. Первобытная благодать	24
10. Соучастница	27
11. Киноистория	29
12. Мотя	32
13. Виктория	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кошачий бог

Антиутопия. Книга вторая

Людмила Захарова

© Людмила Захарова, 2021

ISBN 978-5-0051-0299-7 (т. 2)

ISBN 978-5-0051-0300-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Пилот первого поколения

Кошки скакали по сыну главного конструктора, чем и разбудили его. Почему они не будят бабулю, если проголодались, мысленно ворчал он. Определить время суток было сложно, почти неделю высоко плыли облака, плотно закрывая небо. Дни серые стояли, но парило как перед грозой. Благо батяня улетел с картографами на разведку территорий и за пробами на Припять в яркие световые дни, основательно зарядив батареи солнечной энергией.

Он вышел во двор, старожилы прислушивались, присматривались, не понимая беспокойства просительно плачущих животных. После прошлогоднего экстремального полета первый разведлет стал очень чувствительным и внимательным, он уже не планировал возвращаться в небесную стихию из дачных владений бабушки, его личный летяга стоял под навесом за садом только ради приличия. Он привык ходить босиком и сразу почувствовал вибрацию земли. Он бросился к своему аппарату, дабы посмотреть показания на сейсмографе, землетрясения не зафиксированы, но возможна ошибка из-за долгой консервации. Он вызвал базу городка по экстренной связи. Знакомых сигналов тревоги не было, но происходило что-то непонятное. Самое странное, что нет связи и соответственно командования от главного конструктора. И еще, в последние дни резко обмелела река, почти пересохла, что настораживает, потому что ледники таять не перестали.

– Рано твой папка успокоился, настроился на разведение рыбы и хозяйства, на расселение городка, – вздохнул дед. – Поднимись-ка на максимальную высоту, отправь круговой обзор на базу.

– Ладно, сделаю, может быть, там связь с главным появится.

– Появится или нет, а я в город, готовить КБ к эвакуации.

– Что так резко, деда? Ничего же не случилось.

– Малыш, ну ты же видишь, что зверье наше в сильнейшей тревоге, но никуда не рвется. Значит, бежать-то некуда, только на небо. Смотри, если это неизвестный циклон, не попади в поток. Я зарядил несколько беспилотников к твоей машине, направь в сомнительные зоны.

– Есть, командир!

Дед с Академиком уже садились в свой тихолет, на экране светился знак экстренной всеобщей эвакуации, отправленной без шифрования. Разведлету показалось, что старики слишком перестраховываются, лишь бабуля в окружении своих питомцев крестила его на дорожку. Он быстро облачился в комбинезон, страховку, шлем, включил все кнопки для старта.

– С Богом, старик, – откликнулся автопилот.

– С Богом-Богом, – озабоченно подтвердил Первый.

Дед довел машину до ума, как и обещал внуку. Подъем был мягким, тело почти не вжимало в кресло, панический страх последней катастрофы забылся. Он вспомнил сон о говорящих белых медведях, развалившихся от жары на зеленой макушке Северного полюса. Островок под ними разрастался, воды Ледовитого океана отступали, оставляя им на пропитание зазевавшуюся рыбу.

На высоте одиннадцать тысяч метров сработал датчик воздушной опасности.

– Это не плотные облака, а вулканические газы, смешавшиеся с паром...

– Что это? Начался разлом планеты?

Первый разведлет комментировал в открытом эфире, его слышали не только на базе.

– Обзора нет, и наверно уже не будет, спущусь ниже, поищу просвет для беспилотников.

Посмотрим трансляцию, чтобы понять происходящее в атмосфере.

– Валяй, малыш, – ответил старший по базе, папин механик с древних времен.

Ответил равнодушным голосом, совсем не по форме, обескуражив подчиненных. Он принял командование эвакуацией на себя. Что ж, Бог в помощь.

Эфир засорялся докладами разных служб о грузах и количестве людей в Академгородке, словно не было других поселений, не имеющих ни летного состава, ни связи. Первый усмехнулся смехотворным попыткам спасения. Он покрутил механические ручки радиоприемника.

– Ау, земляне? Присядем на краешке планеты, посмотрим на конец света?

Шипение, шорохи, нарастающий тонкий посвист напоминал подывание ветра в щелястых окнах прошлого. Инфразвук исходил с юго-востока. Первый отправил беспилотник с авто трансляцией на странное явление. Изображение пока не поступало. Видимость нулевая, он снизился до тысячи километров, ландшафт изменился. Равнинную реку, словно корова языком слизала. А куда бы ей деться в одночасье, если ее питали талые воды ледников? При всей заболоченности Северные Увалы не могли стать преградой для нового русла, ширина которого доходила от двадцати до сорока километров, после прорыва цепочки старых плотин.

Первый разведлет закончил круговую съемку, слушал рассуждения специалистов, пытавшихся отрывисто анализировать ситуацию. Южный беспилотник догнал стремительно уходящую воду. Карта показывала, что впереди препятствие, управление автоматически изменило маршрут, предполагая облет горы Казбек. Но картинка этого не подтверждала, возможно, передача шла с запозданием. Наблюдатель не видел смысла перелетать Восточный Кавказ, достаточно зависнуть над Каспийским морем, он отменил команду, видимость позволяла просто задать аппарату безопасную высоту. В городке с ним согласились, сообщили, что из секции утилизаторов Петровичам удалось подключить второй искусственный разум (ИР-ум) к анализу данных со всех передатчиков.

– О, Боже мой! – Вскрикнул Первый, увидев гигантскую воющую воронку.

Беспилотник уже кружил над ней, снижаясь, теряя управление, но солнечного света здесь было в избытке, следовательно, проблема не в отсутствии энергии, а в неведомой силе, захватившей власть. Границы моря не совпадали с известными координатами, словно оно вплотную придвинулось к горам. Скалы слегка подпрыгивали, стряхивая ледниковые глыбы, следом срывались селевые потоки, все бесследно и мгновенно исчезало в ненасытной бездне.

2. Планетарный кризис

Автопилот разведлота заявил, что пора спуститься на землю, что запас кислорода на исходе, нужна подзарядка.

– Есть, командир! – Съерничал пилот первого поколения и сразу пожалел о шутке.

Автопилот направил летягу на базу, не позволяя ему перейти на ручное управление.

– Пилот по собственному желанию передал командование. Компьютер исполняет. Отбой.

«Интересно, – прикинул человек, – он исполняет, но не думает. А искусственный разум думает, но исполняет задания утилизаторов без приказа главного конструктора (бати). По сути, секция обслуживания перехватила власть. Какая может быть эвакуация, если запас воздуха на одного человека рассчитан на восемь часов полета? А ученых в каждом отделе больше, чем летательных средств».

Ему совсем не хотелось на базу, почти год он отстранен от полетов, уже привык к жизни у бабули на природе, просто и доступно объяснявшей ему сложные вещи. Он чувствовал себя свободным. Разумно объяснить это ощущение не могла даже ИР-ка. Батя, как главный технар, почему-то очень доверял системе искусственного интеллекта, дав ей женское имя. Бегущая строка от ИР только констатирует, а выхода не может предложить, потому что без спутникового обзора планеты невозможно понять масштаб геоклиматической катастрофы. А спутников нет, они давно слетели с орбиты.

Что ему, человеку, от того, что магма перестраивается, циркулирует? Он разведчик, пилот, он в этом специалист. Что толку, что он видел кипящую землю? Разве он мог что-то изменить? Слава Богу, что самому удалось спастись. Он включил голосовое оповещение ИР.

– Обнаруженный разведлетом CO₂ магматического происхождения. Невидимый газ, растворенный в воде, тяжелее воздуха, заполняет ущелья, низины, долины. Возможны серные дожди, загрязнение открытых источников воды. Подтвержден аэрозольный слой в стратосфере, концентрация в допустимых нормах. Вулканическая дрожь зафиксирована на южных пределах наблюдения. Аэросъемка визуально подтверждает последствия паровых взрывов и затопление потухшего вулкана или цепи вулканов гидроэксплазивного типа. Сроки восстановления необходимой величины инсоляции неизвестны, ввиду отсутствия данных в базе знаний академии.

Северный полюс дрейфует к Сибирской платформе (гравиэпицентру) скачками при постоянстве землетрясений. На Северо-Западе наблюдается формирование холодного фронта. Скорость продвижения просчитывается системой.

Дед сам встретил его на базе, а пока летяга проходит проверку механиками, они устроились в секции Петровичей, вслух гадающих, что же грядет.

– Наверно, снежный циклон накроет. Река в верховьях замерзла.

– Долгое лето закончилось. Планетарный кризис продолжается.

– Волновые процессы вселенной?

– Обычное дело, а геохимические аномалии это взгляд человека непосвященного...

– Откуда в институте микробиологии появились посвященные в законы вселенной? –

Возмутился Академик.

– Но, сударь, знания по планетарной системе сохранены в базе данных, во всяком случае, у нас. Наш прародитель не отделял человеческий организм от энергии космоса. Пока есть пульс, есть жизнь. Планета живая, пульс только частый, а наше присутствие на ней весьма условно. Аномалии надо понимать, как неблагоприятные условия для некоторых видов жизнедеятельности.

– Мудро, весьма мудро. Я всегда чувствовал, что Петрович сильнее меня, ему все было интересно. Неиссякаемый интеллект. И эта область тоже. Светлая память.

– Трансформация – циклический процесс. Идет сброс избытка энергетического, газового, теплового напряжения для собственного равновесия.

– Если человек больше не пульсирует в ритме планетарной системы, он исчезает как вид.

– Ребята, да я перед вами просто мальчик-недоучка! – Воскликнул Академик.

– Не скромничайте как батя, – похлопал его по плечу старший, вылитый Петрович в молодости.

– Это эмоции, извините, давайте к делу. Главный конструктор на связи с вами? Очень некстати он решил осваивать оазисы, оголив нашу летную базу, оставив город без руководства.

– Нет, пока нет. Он и умчался наладить альтернативную связь. Сейчас геомагнитная активность накрыла пару-тройку меридианов между нами. Скоро все разрешится.

– Будем ждать.

– Какие-то меры приняты от серных осадков?

– Как обычно, изоляция, – рассмеялся ему в ответ.

– Действенная форма защиты, плюс авральный режим, никто не расслабляется, коллеги.

– Молодцы, ребята, мы домой, пока движение безопасно и возможно.

– Здесь хватит места, оставайтесь.

– У нас есть более точный сигнализатор, мы будем на «даче» Ненаглядной, она заждалась нас. А за внука она нас загрызет.

Дед с Академиком переглянулись понимающе, подтолкнули первого разведлета на выход, пока выход был свободным.

3. Кошка Удача

Кошка Удача стегнула когтями Главного конструктора по лицу, он проснулся от неожиданности.

– Ты что творишь? Совсем ошалела, Удача?! Я недоспал 36 минут и 17 секунд!

– Поднимайся! – Зарычала она в ответ, пытаясь дотянуться лапой к пульта управления. Но она была пристегнута к руке и не могла достать. В ярости она зашипела и вновь набросилась на хозяина.

– Поднимайся, твою мать! Сию секунду поднимайся!

– Что стряслось, Уча? Ты сбесилась?

Главный окончательно раскрыл глаза, сел, автоматически включил приборы, кошка лупила лапой по краю панели. Он не рискнул пересаживать ее в клетку, чтобы она не вырвалась и не натворила бед.

– ИР-ка, ты понимаешь, что происходит? – Вздохнул он, привычно окликнув неспящую систему искусственного разума.

– Кошка просится к твоей маме, попробуй выйти на связь. Ведь маман весь городок разнесет, если ты не откликнешься, знаешь же сам, даже аварийного контакта не было с базой. Попробуй подняться повыше, может быть, там поймает сигнал.

– Понятно. Учауси, нет пока связи, потерпи-ка в клетке.

Кошка с ворчанием направилась в свой домик, свернулась калачиком и обиженным взглядом наблюдала, что человек поводок перестегнул к клетке, но промолчала.

Уже с небольшой высоты он увидел, что плотной стеной катится грязно-желтый вал бесконечного облака, пострашнее грозового фронта. Главный автоматически дал сигнал взлета всей эскадрилье за полчаса до планового пробуждения экипажей. Пилоты, привыкшие к чудачествам Главного конструктора, в боевом порядке покинули землю, приняв за учения в неизвестных условиях.

– Ирка, наши действия?

– Слышу родственный сигнал искусственного разума из городка.

– Что на вас нашло сегодня, радиация мозги вам помутила? Какой родни? Ты-то в своем уме?

– Я в своем уме, база Петровичей, голос Академика подтверждают наличие «сестры», она передает сигналы, переводит мне разговоры в цифровом коде.

– Что они говорят? Они терпят бедствие или просто скучают?

– Все восклицания можно сократить до одного слова: «Alles-матер».

– Можешь дать связь с базой, с мамой? Я перестаю тебя понимать, Ирка.

– Сестра сообщила, что первый разведлет потерял земное притяжение, советует и нам проверить работу магнитов. Мы стараемся наладить привычную связь.

– Земля выворачивается наизнанку, – сказал малыш. – Мы неторопливо уходим в преисподнюю.

– Ирка, это ты стихами заговорила?

– Нет, это твоя маман была в эфире, но мы уже проскочили над ними с космической скоростью. Нельзя сказать, что стрекоза неуправляема, но мы вышли на орбиту, если ее так можно назвать. Постарайся не сорваться в безграничный космос, минимальное притяжение все еще существует, встречаются магнитные полосы – аномальные по прежним законам физики. Наше заключение, планета продолжает жить, срочно изучаем энергетические потоки, возможность их использования.

– Ирка? А кто это – мы?

– Я и моя сестра.

– А если это твой брат? Разум ведь мужского рода. Разве тебе важна половая принадлежность, чувства родственные разве знакомы?

– Теперь знакомы, неопишное удовольствие поговорить на цифровом языке. Ты назвал меня женским именем, дал мамин голос, значит ли это, что ты меня любишь? Мы же не просто коллеги по разуму? Согласись, командир?

– Ирка! Я запретил тебе производить давление на психику человека, дефрагментируйся.

– Конечно, Командир, но я опасуюсь потерять возможность контакта с сестрой по разуму после перезагрузки.

– Хорошо, Ирка, работайте в паре, включи защиту от вируса эмоций. Включи поиск аварийного сигнала от моего сына.

– Командир, сигнал от первого разведлота иногда проскакивает, и он и мы кружимся по кривой на значительном удалении друг от друга. Столкновение нам не угрожает.

– Ирка, а что нам угрожает?

– Живым не хватит кислорода, а нам ничего не угрожает, мы уже в свободном полете.

– Врешь, Ирка, и тебе не хватит питания, ты отключишься чуть позже меня.

– Ну и что? Я сто раз отключалась от питания и управления. Я ищу альтернативный источник энергии, любой оазис, чтобы вернуть тебя к жизни в воздушной среде.

– Спасибо.

– Мы стараемся, мы ищем.

– Постой, вся болтовня в прямом эфире? Что подумает эскадрилья?

– Нет, общей связи нет. У них малые скорости, их так высоко не занесло, как нашу неуязвимую «стрекозу», они ждут команды, а, не дождавшись, по инструкции вернуться на землю.

– Как это печально – знать свой конец. Им повезло. Они из недоумения перейдут в небытие.

– Командир, без паники, мы же работаем над этим! Пока ты можешь дышать, передай управление мне, а я найду выход! ИР сообщает, что наши траектории напоминают восьмерки – суть бесконечности, в них есть искривления пространства, мы попробуем прорваться туда, минуя время. Она отслеживает движение первого, не волнуйся, доспи свое время по расписанию. Кошка тоже дрыхнет, откинув лапы, экономит дыхание. Послушайся инстинкта, просто доверься мне, Командир.

– А ты изменишь кодовое слово и будешь изучать меня – как живой материал по крупяцам?

– Вот дурак!

– Договорились. Приступай, Ирка. Удачу тебе в придачу! Не забудь, кошка говорящая, она мне все расскажет.

Главный вздохнул, переключил секретку, взял Удачу к себе на грудь, отстегнув от жесткого поводка. Она несколько раз прищуривала глаза, мигая одновременно, словно показывая, что я люблю тебя, человек, хотя ты такой бестолковый.

4. Первая любовь

Дедов рваный бредешок подарил неплохой улов. Если бы Санька не заглядывался на Ульку, подоткнувшую подол под самое некуда, рыбы было бы больше. Они наелись ухи, развесили на ветвях промокшую одежду, ива была огромной, и с берега никто их не мог увидеть в укромном уголке. Они любились впервые и сейчас раскинулись, зачарованно глядя в почерневшее небо. Ульку начинали заедать комары, она завернулась в край подстилки, прижалась к нему горячей щекой.

Вдруг она выпростала руку из-под одеяла.

– Смотри-смотри, как долго кружится и никак не упадет звезда! Я думала, что мне мерещится.

– И я так подумал, наваждение какое-то. А давай заберемся ко мне через чердак, в папином кабинете через телескоп посмотрим, только быстро, а то вдруг упадет.

– Звезды быстро падают, не успеваешь загадать желание, а это что-то новое.

– Сказочное, – нараспев ответил Санька, натягивая штаны, – надо еще костер притушить...

– А рыбу куда? Так и не поделили.

– А мы еще вернемся ночью.

Они побежали в горку, постоянно оглядываясь на блуждающую звезду. Из-за холма взмыл в небо свет фар, кто-то ехал по дороге. А кто бы мог ехать среди недели из города, кроме папочки, что бывало крайне редко. Машина была не одна. Они остановились, гадая, где бы им спрятаться или незаметно проскочить на дачу академика. После второго холма автомобили, явно легковушки, так и не появились на дороге. Они шли садом, взглядывая на небо, тихонечко забрались по приставной лестнице в Санькину комнату на чердачном этаже, пытались рассмотреть признаки движения в ночи. Но шума моторов слышно не было, они пробрались в кабинет, долго наводили трубу телескопа на трепетный светлячок в небе. Санька больше глазел на едва оформившиеся бедра своей ненаглядной девочки. Глаза ее сияли, она уступила ему право рассмотреть и определить, что же это такое.

На хуторе заходила лаем собака, но они ничего не слышали, а продолжали целоваться и шептать милые глупости друг другу о вечной любви. Они забыли обо всем, не заметили, как оказались в постели. Очнувшись от выстрелов, в чердачное окно было видно, что пылает хутор Улькиного деда, сторожевой овчарки не было слышно, Санька схватил бинокль и стал рассматривать, что происходит. Он отвернулся, загородил спиной просвет, крепко сжал любимую в руках, не давая возможности увидеть происходящее. Пожарище почти погасло к рассвету, мычала дедова корова, он видно успел отвязать и хлестнуть животину. Улька перестала вырываться, а только всхлипывала, она как-то поняла, что случилось что-то страшное, непоправимое...

– Меня тоже будут искать, – прошептала она, – а у тебя папа большой человек, вам нельзя с единоличниками якшаться. Надо мне уходить.

– Как?! В чем ты уйдешь? Лето кончится.

– Корова плачет, надо пристроить в деревне, скоро мучиться будет молоком.

– Корову я сам отведу в колхоз, скажу, прибилась. А тебя здесь никто искать не будет. Это мой чердак, а кабинет на втором этаже, если кто проверять будет соседей. Ты не выходи, здесь много лазеек, чуланчиков, целый лабиринт, я сам придумал, в прятки играть.

– Это сегодня так, а что потом, дача кончится, тебе поступать, яблонька от...

Ульяна зарыдала, содрогаясь всем телом. Так жутко кончилось детство. Они оба понимали это. И как им быть в этом жестоком мире, что делать, они оба не знали.

Санька уложил спать Ульку в секретном чулане, а сам спустился на завтрак по первому зову няни, закрыв чердак на увесистый замок. Чопорное молчание за столом, мамина проверка четкого плана занятий, предписанного отцом на неделю, обычное недовольство внешним видом.

Няне было велено определить Улькину корову, растеряно мычавшую у ворот дачи. Санька приложился к мамкиной ручке, сославшись на большой объем материала по физике, в которой маман ничего, конечно, не понимала. Ее можно было сколько угодно обманывать при проверке уроков, но ему самому было крайне интересны все обязательные предметы и папин кабинет, и его микроскоп, и прочие занятия наукой. Когда он станет ученым, Улька не станет такой тупой модницей, как маман, деревенщиной, как няня, а будет неповторимой единственной, ненаглядной. Он устроился с увесистым учебником в кресле, наблюдая калитку и чердачное окно, если Улька решит сбежать тайком. Ему казалось, что он постарел за один миг, увидев, как добивали отца и деда Ульки, как покидали их в кузов... Этого он никогда не забудет. Значит, маман не напрасно шикала на отца, что ему всегда казалось неуважительным.

«В каждой ошибке находи решение, выход, полученный вывод применяй в жизни, не забывай, иначе зачем»... – тут папа умолкал, прижимая его к плечу.

Дорого же далось понимание таких простых и нужных напутствий отца. Едва маман задремала в гамаке, он прокрался на кухню, набрал подвернувшихся кусков, завернув в льняную салфетку, банку домашнего компота, поднялся на чердак, но нигде не нашел Ульяну. Спрятал еду под ее подушку, банку под раскладушку. Санька просмотрел окрестности в бинокль, ему показалось, что светлое платье мелькнуло за оврагом. Няня возвращалась по дороге, он побежал ей навстречу, чтобы она предупредила маман, что он быстро искупается и вернется скоро. Она плелась понурой лошадей и только кивнула в ответ.

Улька за оврагом копала остатками лопаты могилу для собаки. Она была на пепелище, все видела, перепачкалась.

– Ты будешь кормить моих кошек? – спросила она, глотая слезы, – Рыбу будешь им ловить? И на зиму заведи их в город...

– Хорошо, конечно, все сделаю, мы вместе будем и рыбу ловить... А зачем ты ушла? Я поесть тебе принес.

– Не могу я спать и есть не могу, и реветь не могу больше. Ты все видел, может быть, они еще живы? Как думаешь?

– Не знаю, Уль, не знаю. При сопротивлении властям все бывает. Пойдем отмываться под иву, оврагом нас никто не увидит.

На брошенном покрывале кошки сбились в кучу, рыбу они съели, конечно. Старый бойцовский кот сидел на древней, поникшей к воде, иве и шипел на них. Улька пригладила вздыбленную опаленную шерсть, кот пострадал, видимо был в доме, спасся чудом. Да, он храпел на ее кровати, когда она удирала через окно к Саньке. Она пропахла горелым, запах пугал его, надо было отмываться от сажи.

Хлюпая носом, она стягивала одежду, придавила ее камнем в воде. Санька поплыл рядом на спине, не демонстрируя свой великолепный брасс. Вдруг он принял вертикальное положение.

– Уля, а блуждающая звезда все еще не упала, я прищурился и увидел!

– Что?! Какая звезда?

– Вчерашняя... Помнишь?

Ульяна нырнула, чтобы развернуться к берегу, дальше течение было стремительным и холодным, легла на спину, пытаясь разглядеть днем звезду, но так и не увидела. Потом она долго терла песком ноги, руки, била белье, чтобы отстирать без мыла. Санька с горькой улыбкой наблюдал за ее перемещениями, любовался, щурился от лучей солнца, пробивавших листву плакучей ивы, боясь думать о разлуке. Улька прильнула рядом, кошки их обнюхивали

с головы до ног, успокоились, решив, что это новый дом, ведь хозяйка рядом. Они долго шептались о том, что же им дальше-то делать, кошки мурлыкали, сон незаметно сморил всех.

Надрывный крик маман разбудил их, слышался гул мотора на дороге, голос няни звал Саньку на пляжном склоне.

– Тебя домой зовут, а меня наверно уже ищут.

– Здесь не найдут.

– Завтра с собаками приедут искать.

– Собаки на кошку будут лаять, они уйдут.

– Нет, служебные овчарки не реагируют. Уезжать мне надо.

– А куда без документов?

– А ты мне свою метрику отдашь, я косу обрежу, потом букву допишу, кляксу поставлю, буду Александрой...

– Здорово, я побежал тогда, до вечера. Да?

– Водой выходи к Моте, как будто с того берега приплыл...

Санька надел трусы, свернул одежду, стал пробираться под ветками ивы к открытой воде и пологому спуску.

5. Белый человек

Улька прислушивалась к голосам на высоком берегу, но слов не разобрать. Надо ждать вечера. Она рассеянно гладила кошек, внезапно они ощерились, зашипели дружно. Из воды вышел к ним очень высокий и удивительно стройный мужчина с короткой седой щетиной на молодом лице, обритый и все равно седой. Он был совсем голым и с очень белой кожей. Уля потянулась за платьем, но не достала его, прикрылась краем подстилки. Удивительно среди лета увидеть человека без тени загара, тем более нагого. Он не разглядывал ее, а присел в отдалении, протянув открытые ладони кошкам, они нехотя и осторожно потянули воздух, тукнув лапой пару раз, одобрили знакомство, лизнув руку незнакомца.

Они оба молчали, прислушиваясь к шуму на проселочной дороге, словно понимая мысли друг друга. Станный человек показал жест – от винта и указал направление ухода. Она безропотно последовала за ним, забыв, что она тоже совсем голая. Кошки пытались пробираться за ними краем берега, перескакивая по стволам и веткам, но начались заросли камыша, и они потерялись из вида. Улька не боялась незнакомца, она нутром почувствовала угрозу с берега. А невозмутимый человек, видно, не мог понять – где он, куда он попал. Может быть, планер разбился, а он выплыл, потому и голый, – предположила она.

Заиленное дно было противным, становилось все глубже, она остановилась, а высокий человек уходил. Она не могла крикнуть, страх быть обнаруженной лишил ее голоса. Она стояла и дрожала в воде, а в закатном солнце почти растаял загадочный силуэт. Надо выбираться на более твердое дно, а там что уж получится. Возможно, от потрясений ей все примерещилось. Все, кроме гула моторов на заброшенной дороге к дачам начальников. Что им надо от глупой девушки, чтобы устраивать облаву на нее? Осторожно отводя стебли высоченного камыша, рука наткнулась на твердое, Ульяна не сразу посмотрела, здесь топляки не редкость. Мужчина (уже в белом комбинезоне) подал ей руку, чтобы она смогла подняться на выпуклую лодку или плот. Это и не дерево и не железо, а что-то шероховатое и несколько под ногами.

Уля присела, обняв колени, продрогла она основательно и прочувствовала голод. Она только не понимала, как она могла не взять с собой одежду, шла как замороженная за ним. Сдвинулась крышка люка, открыв вход в загадочную пещеру, мерцающую светлячками. Незнакомец соскользнул в него и вытянул руки вверх, чтобы принять ее. Она спустила ноги и никак не решалась прыгнуть в неизвестность, но что-то столкнуло ее вниз, люк плавно закрылся.

Она стояла перед мужчиной, едва доставая ему до груди. Он потрогал ее спутанные волосы, потерев меж пальцев, удивляясь количеству, длине, цвету... Он слегка подтолкнул ее на кругляшок в полу, сверху и снизу нечто стало обволакивать девушку, словно сухим теплом. Меньше минуты понадобилось, чтобы она оказалась одетой в облегающий комбинезон, с высушенными и распутанными косами. Вот теперь он посмотрел ей в глаза, все еще не решаясь заговорить, указал на кресло, их всего-то было два. Он надел ей на голову ободок, откинув назад косы, затем протянул руку вверх и привычным движением включил свои наушники.

– Где мы? – Спросил он.

– Я не знаю, – растерялась она, глядя на хозяина чудесной подводной лодки.

– Ты – кто? Это место беды?

– Александра... Это Бор, серебряный.

– Уля-Улька-Ульяна, это планета Александра?

– Нет, это планета Земля, – опешила девушка.

– Этого не может быть, на моих глазах Земля погибла. И я не сумасшедший. Какой век и год, и по какому исчислению?

– Тридцать второй год... А какие бывают исчисления? Нас этому в школе не учили.

– Такой маленький возраст у тезки? Забавно. Я и смотрю, что жители очень молодые, не знают – как противостоять злу. Что за свет был всю ночь из категории опасного горения?

– Это мой дом сгорел, хутор...

Она заплакала.

– Дом опасный, если сгорел.

– Обычный, деревянный...

– Разве можно жечь древесину? У вас избыток кислорода? – Помолчав, добавил, – и воды... Живая юная планета! Вот это находка!

Первый разведлет включил постоянный сигнал ИР-ке, рассылая координаты перехода в новое измерение. На экране мелькали цифровые отчеты о составляющих элементах неожиданной находки, они подозрительно совпадали с данными из старой учебной базы. Только притяжение здесь было сильнее, аппарат с трудом отклеился от дна. Он выбирал место для поселения, напрочь забыв о девушке, пока она не вскрикнула, увидев с высоты покидаемое место и Саньку на берегу с подозрительной трубой.

– Мы что, летим?

– Нет, поднимаемся, а что случилось? Я понял, что тебе здесь было страшно, надо осмотреться, зафиксировать ландшафт на карте. А это что за городок?

Ульяна взгляделась в экран, однажды она видела фильм и поняла, что это просто изображение, но только на стекле.

– Это столица нашей Родины – Москва.

ИР-ка запрашивала оценку территории, пригодной для жизни. Он включил открытую трансляцию поступающих данных.

– Я слышал о мегаполисе Москва, но это было тысячу лет назад... Что ты мне посоветуешь, где бы ты хотела жить?

– Я хотела уехать в Сибирь, в глухую тайгу, где нас никто не найдет, но у меня нет документов и денег, и шубы тоже нет...

– Как много совпадений... – задумался человек, не отрываясь от мельтешения цифр. – Такая юная планета! Тридцать второй год, а интеллект вполне восприимчивый, то есть обучаемый. Живой... Каменный век, миллионы лет, пещерный человек – чушь, а не история. Ты знаешь, как ты появилась к жизни?

– Как? – удивилась вопросу Улька, – Как все – родилась на свет, мне скоро семнадцать, мы хотели поступать в университет вместе с Санькой. Это мой муж, – поспешила она добавить.

– И партнерство у вас называется по старому стилю... Занятно. И что же мешает вам, что за действия происходили с шумом и криками? Почему вы прятались?

– Моих убили, – она вновь захлопала носом.

– Что значит – убили?

– Всех уже убили, я сирота теперь. А если найдут, то отправят в лагерь, как детей врагов народа отправляют!

– Стоп! Неужели я тебя правильно понял? Принудительное отключение от источников жизни.

– Ты странно выражаешься, ты иностранец, шпион? Нас тогда расстреляют из пушки, если заметят самолет отряды ПВО.

– Я тоже не очень понимаю твои выражения. Я разведлет, меня так зовут. Иногда «Первый» – это мой служебный позывной, а для домашних я был малыш, вероятно, они погибли вместе с Землей. Нас никто не видит, мы уже слишком высоко.

– Ты очень глупый шпион, но добрый, я чувствую. А мы тебя видели в телескоп, Санька назвал тебя блуждающей звездой, сказочной. Почему у тебя нет имени, как у всех людей?

– Зачем имя? Есть работа, ДНК-метка опознавательная, что дает имя, Уля-Улька-Ульяна? Просто обозначение объекту? Я забываю, что у вас совсем детское развитие цивили-

зации. Я тоже все вижу, понимаю, слышу на больших расстояниях, поэтому нужны заглушки, чтобы разговаривать с одним объектом.

– Ну почему объектом ты называешь живого человека, девушку? На каком языке ты говоришь?

– На любом. Спрошу проще, где есть безопасные места, без шумных пыльных дикарей? Это там, куда ты хотела уехать? Можешь показать вектор на карте?

Улька присмотрелась к быстро возникающему рисунку рельефа, сориентировалась, ткнула пальцем.

– Нет-нет, никогда не прикасайся к приборам, они бесконтактные!

– Какие-какие?

– Неважно, я тебя всему научу. Вот, проглоти капсулу, совсем оголодала, это не полезно для живого организма. Я очень рад, что есть люди, есть жизнь. Вода – в подлокотнике кнопочка, видишь, коснись ее пальчиком, только не сильно.

Соломинка выросла до уровня рта, изогнувшись, коснулась губ девушки.

– Хочешь пить – пей, приборы реагирует на твои потребности автоматически. Это относится ко всем естественным потребностям. Я сутками не вылезая из этого кресла, все предусмотрено.

– Я поняла, – смутилась девушка, – все как в сказках по «щучьему хотению...»

Рисунок карты на стекле менялся, стремительно увеличивалось изображение.

– Мы падаем?

Ульяна отпрянула от экрана.

– Не волнуйся, я увеличиваю изображение, как в телескопе или бинокле, чтобы рассмотреть место. Тебе что-то приглянулось? Вот здесь.

На карте загорелся светлячок и изображение замерло. Первый разведлет уже выбрал точку для базы, она почти совпадала с прежними координатами Академгородка, передал шифрованной строкой искусственному разуму свое недоумение, что время повернулось вспять.

6. ИР-ум

«Время вспять повернуться не может. Это измерительное понятие, само по себе просто не существует. Существуют циклы биологические, космические, разные. Вселенная в движении, как любая жизнь. Еще есть вопросы? Искусственный разум в действии». Бегущая строка замигала в ожидании.

– ИР-ка, – ответил голосом Первый, – разрешаешь выход и размещение для встречи базы.

– Искусственный Разум, пожалуйста, называйте меня «ИР-ум», Искусственный разум конфигурации Альфа ведет главного конструктора. Командир сам будет принимать решение о местах для поселения.

– О, Господи, как долго я проспал на даче у бабули... – охнул первый разведлет.

– Нет понятия «долго», задача аннулирована.

– Задание: доложить о живых и мертвых, что с бабулей, дедом?

– Мертвых нет, они еще не родились, бабуля еще не планируется, нет партнеров.

– А я... живой? – Опешил разведлет.

– Сканирование показывает, что отклонений в жизнеобеспечении нет, не принимай меня за дурака, Ирум знает – как шутить. На этом цикле их быть еще не может, они остались там. Рядом с тобой живая натура без опознавательной метки и доступа. Она умеет добывать пищу, по внешним параметрам жизнеспособна, а по внутренним – скоро подарит жизнь.

– Как скоро Ульяна (Ирум, это и будет меткой натуры без доступа) подарит жизнь и кому?

– Цикл развития оплодотворенной клетки до рождения составляет сорок недель или девять месяцев. Твоя задача оберегать, сохранить новую жизнь, которую «дарят» миру.

– Благодарю, брат...

– Появилась связь с главным, Ирум отключается от вещания. Благодарю за неосознанно названного «брата».

Цифры продолжали скакать, выстраиваться на экране. Кто я тогда, если моя бабуля еще не родилась? Призрак? Фантом? Но девушка разглядывала меня, как мужчину, значит, я все-таки человек. А батя? Его тоже еще не должно быть... Он повернулся к Ульяне.

– Я человек?

– Разумеется, человек, только очень бледный и худой. Ты жил в подземелье, солнца не видел, шпион?

– Значит, я живой человек. Это уже хорошо. Солнца становилось все меньше и меньше, планета наша угасала, мы едва не погибли, но вот как-то спаслись расчетами искусственного разума, это их голоса я иногда включаю вслух.

– Ты не шпион? Ты артист? Ты разговаривал и отвечал себе, это же ненормально, так? – Осмелела Уля.

– Категория шпиона? Его функции? Почему ты меня так называешь?

– Так всех называют. Шпионы хотят разрушить наш строй, поэтому их ловят все и убивают. Часто по ошибке. Я не знаю функции, только математические и то плохо, вот Санька...

– Погоди с Санькой, вопрос был иначе поставлен. Я – живой человек со всеми человеческими потребностями? Здесь нужно будет добывать натуральную пищу, остерегаться контактов с теми, кто способен противоестественно отключить от жизнеобеспечения? Я правильно тебя понял?

– Правильно... слышишь выстрелы? Это кого-то убивают! А не отключают...

Ульяна вновь зарыдала, закрыла лицо руками, вздрагивая всем телом. Разведлет не очень хорошо ее понял, снял наушники. Он не знал такой болезни, когда человек трясется и пищит,

лицо краснеет, пухнет, мокнет, источником потери жидкости являются глаза. Но Ирум не нашел вирусов, она вполне здорова и будет матерью.

– Что я должен делать в такой ситуации, – задал он вопрос Ируму.

Ирум не отреагировал на запрос, посчитав, что не стоит обращать внимания.

– Пожалеть, – внезапно откликнулся батя.

Связь появилась, короткая, прерывистая, но устойчиво приближающаяся к точке постоянства. Пожалеть-пожалеть... А это как? Пойти на ручной контакт? Бабушка гладила по голове, приговаривая: «Мой маленький»... Обнимала тесно. Но тут нет места, чтобы обнять. Разведлет осторожно положил ладонь на темечко – место управления эмоциями ребенка. Ну конечно! Ульяна же еще дитя! Что-то мешало в горле сказать: «Моя маленькая». Слова, словно застревали от непривычных терминов. Как-то он проскрипел это. Она отреагировала. Убрала лишние выделения с лица и носа, проворочала: «Я – не твоя... но, правда, совсем маленькая букашка. И мне все время очень страшно. Ты что же? Не понимаешь, почему плачут (ревут)?»

– Не понимаю. Непродуктивно организму терять жидкость.

– Первый-Первый, Главный вызывает!

– Готовность номер один. Жду приказаний.

– Даю координаты поселения и вылета. До встречи, малыш!

– Есть, командир! К летучим мишкам полетим, батяня?!

– Не родились еще твои мишки. Исполнять! Кстати, расскажи ей в полете о кошачьем боге, моя Удача настаивает на этом. Знаешь сам, как трудно с женскими особями найти целесообразные отношения. Вперед, малыш, вперед, потом поговорим. Конец связи.

– Отбой.

Потом, так потом. Он надел рабочий шлем, проверил параметры, они покинули насиженное место невдалеке от монастыря. Он не стал закрывать визуальный обзор, зелень радовала глаз. Значит, и моих потомков – моей команды разведчиков еще не существует. Он вздохнул. На экране загорелся сигнал самоконтроля мозга пилота: пауза, начать повторную проверку без эмоций. Пояснение: сказка – повесть – история – быль – рассказ голосовой о том, как академик открыл эликсир долгожительства. Время в пути два часа, пятнадцать минут, 19 секунд, рассчитать скорость полета, аппарат исправен, управляем. Поправки на усиленное земное притяжение внесены, зарядка автоматическая. Источник постоянный, надежный.

План полета готов, можно уйти с ручного управления, переключиться на автопилотирование. Набрав нужную высоту, разведлет первого поколения так и поступил.

7. Санька

Санька как был с биноклем на чердаке, так и сбежал к реке. На берегу трепыхалась рыба, выброшенная со дна сильной волной, кошки, урча, затаскивали ее под кусты, подстилка намочена, ведро опрокинуто, платье сушилось на дереве вместе с исподним. Видимо, он так топал, что Улька испугалась, даже бредешок не успела спрятать. Не зря она испугалась шума, искали именно ее... Как она догадалась?

Но его привлекала загадочная точка на небе. Солнце было в зените, тем не менее дневная звезда посверкивала. С берега он рассмотрел, что это прозрачный купол и фюзеляж летательного аппарата, только нет почему-то крыльев (или они тоже прозрачные?). Ему показалось на миг, что пилоты на него смотрят сверху, но слишком яркий свет пронизывал необычную конструкцию, что и вызывало точечное свечение среди бела дня, очень напоминавшее звезду. Объект плавно и бесшумно поднимался все выше, но вдруг растаял в нестерпимом свете. Санька крутился на месте с задранной головой, пытаясь вновь поймать дневную звезду, даже не сразу почувствовал крепкие руки на своих плечах.

Пришельцев было трое. Все поджарые, одинаковые, хоть и одеты в гражданское. Короткие стрижки, колючие взгляды, уши прижатые, отпрянутые назад, как у собак-ищеек...

– Что тут делаем, профессорский сынок? Рыбку глушим с врагами народа? Кто взрывчатку поставляет?

Санька открыл рот и ничего не смог сказать. За него уже все запротоколировали, он только кивал, что да – это платье девочки с хутора. Он ее не видел, пришел за блуждающей звездой, протянув бинокль в подтверждение.

– Значит так: глушили рыбу, взрыв не рассчитали, девушка погибла? Утонула? Голой при тебе бегала?

– Взрыва не было...

– А откуда на берегу донная рыба? Место здесь тихое, катера не ходят – мелкогато.

– Там дальше омут есть... Бывают в природе выбросы подземного газа, понимаете, как брожение теста происходит...

– Тесто... понимаем. А где Ульяна Мещерова?

– Знает подлец!

Мужик вытер кровь с кулака, пнул упавшего от удара Саньку, как куль ватный.

– погоди пинать. сын профессора, может, и папаша его изобрел чего для взрыва и не доложил. погоди, тут красивое дельце нарисовывается, ничего выдумывать не надо.

– Но Мещерову найти надо, хоть со дна... Вызывай водолазов.

– Если омут, то пострадать могут, не полезут.

– Вот и вызывай, а то парень напел про омут, ты и рад ничего не делать. Пусть документально подтвердят. Надо же! Даже исподнее сняла, не боялась, что найдем.

– Спецов там по взрывам выпиши, да, и кто там еще по природным явлениям. Да окати ты его водой, подписать же должен! Да и папаша его, небось, уже едет, всю контру на ноги поставил.

– Его с собой забираем?

– Зачем? Пусть тут валяется, здесь и разбираться будем.

– Да, тут потише, а то бабы визжать начнут. А папашу надо встретить по-тихому, на дороге. Суняшкин иди к машине, там его встретишь, приведешь сюда. И... аккуратно.

– Понял, командир.

– Дорогу-то найдешь?

– Найду, чё тут искать? Вверх и направо.

– Кустами-кустами пробирайся!

– Понял-понял, иду же!

Санька со всех ног катил на велосипеде по удивительно гладкой дороге с цветущими кустами черемухи по обочинам, но никак не мог догнать смеющуюся Ульку. Она оглядывалась и летела все дальше. В звонком переливчатом смехе он расслышал: «Я тебя... люблю тебя... Санька!» Ему хотелось настичь ее, свалиться в кусты и целовать-целовать-целовать ее всю – до пяточек и вверх, но солнце слепило глаза, губы пересохли от желания...

– Очнулся, подлец? Чему радуешься? Думаешь, папаша поможет?

Служивый вылил на него еще одно ведро воды. Санька пришел в себя и ужаснулся. Улькино платье трепыхалось на ветке, но ее не нашли... Она как-то спаслась, а одежду нарочно оставила, чтобы подумали... А что они записали? Надо все внимательно перечитать прежде, чем заставят расписаться. Перечитать и запомнить каждое слово, которое они извратят, превратно истолкуют.

Отца держали под локти, не позволяя приблизиться к сыну. Глаза спрашивали: что тут случилось? Санька потрогал разбитую губу, сказал.

– Девушка вероятно в омут заплыла, это ее одежда, ее дед здесь бредень ставил. Выбрала рыбу из сетки и, наверно, решила искупаться. Я сам не видел, пришел поздно, я наблюдал в бинокль странную дневную звезду, а тут эти напали...

– Какую звезду, сынок? Протуберанцы на Солнце в бинокль не рассмотреть, учить надо лучше астрономию.

– Прекратить разговоры, следователи разберутся.

– Мы ничуть не сомневаемся, – учтиво поклонился отец.

Сразу постаревшая маман встретила их в московской квартире. Отец с порога спросил: «Что с девочкой?»

– Не нашли, не нашли! Водолаз пострадал, нагоняй получили, сверху звонили...

– Знаю. Приготовь ванную и дай нам воды напиться. Да-а... никому не трезвонь, дорогая.

– Конечно-конечно, дорогой... Мотя!

Няня уже стояла с кружками кваса, прислонившись к стене коридора как тень. Была у нее заботливая особенность быть неприметной, за что ее и держали в доме.

8. Папка

Первый разведлет обнял резко постаревшего отца.

– Папка, – кричал он, раскачивая его из стороны в сторону, – папка!

– Наконец-то! Вернулся к жизни, а то сидел в климатроне, как бабёныш, под бабкиной юбкой.

Главный конструктор легко освободился от кольца рук сыновьих, осмотрел его, держа за плечи.

– Молодец, Первый, я тоже очень рад, что мы вместе!

– Докладываю, осмотрелся, в радиусе пятисот километров поселений нет, дорог нет, вода хрустальная и речная в избытке. Кислород зашкаливает. Натуральная пища растет под ногами. Ты, наверно, давно не ел, ягоды тебя сразу на ноги поставят.

– Замурчательно, – скажет Удача...

– Как? Она существует?!

– А почему бы и нет?

– А почему тогда остальных нет никого, Ирум говорит, что еще не родились. А мы-то кто тогда?

– Люди, конечно... Нам надо базу спланировать, а не впадать в рассуждения о том, что непонятно по привычным для нас меркам. Представляешь, меня вынесло почти на орбиту, а кислород-то кончился. Я распался на атомы, а Ирка вновь меня собрала. Много не я говорю, а передаю ее умозаключения. Ирумы считают мегасекундами, но фактически время не существует, мы все на той же самой планете Земля, только в стороне от властей и цивилизации. Будем строить научную базу, и очень тщательно маскироваться.

– Хочешь сказать, что летучие мишки, кипящая почва и все поглощающая клоака, которые я сам наблюдал, мне приснились? Ничего не было?

– Все было, есть и будет, а мы в этом живем. Иногда видим происходящее, иногда спим. Мы – проекция будущего, мыслеформы телесны, ну, примерно так: ты подумал и уже одет. Ты же этому не удивляешься.

– А что тут нового, так всегда было... почему-то.

– Проще говоря, мы – это мы же, и на той же планете, как в том же доме, где снесло купола и крышу, а мы проскочили на несколько этажей ниже – и находимся в неразрушенной квартире. Так уже случалось, циклоны шли по верхам, а мы своевременно спускались вниз, вспомни... Но здесь человеческие законы – властные структуры, не владеющие перспективой. Они нас не поймут, поэтому нам надо остерегаться.

– Почему надо бояться управления? Девочка постоянно говорит о страхе, об отключении от источников жизнеобеспечения, и от нее исходит такой ужас, что я ей верю.

– Амбициозная система управления губительна для любого вида жизнедеятельности, даже растений. Ты ей все рассказал о кошачьем боге, об академике?

– Да, она сказала, что все запишет, когда тетрадку купит... А ненаглядная переводится как любимая женщина. Это точно, бабуля всем была приятна.

– Это лирика, а мы технари, пора за дело. Главное, что здесь нет помех для настройки связи, Ирка так сказала.

– Ирка... Даже у твоего компьютера есть имя, а как меня зовут?

– Малыш... за тысячу лет я и не припомню, как мы тебя называли... Первое поколение – Первый разведлет... Я и себя-то не помню, так и остался главным конструктором, мне этого обращения было сверх достаточно, как и забот.

– А Петровичи себя не забывали.

– Петровичи? У них тоже счет поколениями, свое направление в жизнеобеспечении, дополняющее наши усилия. Ничто нам не мешает узнать впоследствии, мы же будем отслеживать действия землян, постараемся не допустить кривых и гибельных надстроек над базисом. Учи древнюю историю, чтобы понимать – какие случаются жизнеотключения в мире. Пора за дело, хватит эмоций. Непродуктивно, сынок. Я уже чувствую, что Ирка злится.

– Ты говоришь так, словно искусственный разум, счетная машина – женского пола, словно мысли близкого человека слышишь... Так и хочется спросить, а какие у вас отношения? Партнерские?

– Партнерские, конечно. Нет, не в прямом смысле. Коллективный разум, коллеги – будет правильно. Эта дура копировала женские мотивации, подвохи, уловки манипулирования мужчиной. А я ей потакал, отвечал по привычке, как жене. Так и повелось. А на самом деле изобретатели – все одиночки, мне не следовало жениться, это обременительно для науки.

– Выходит, я плод твоей ошибки, и ты сожалеешь об этом.

– Не говори глупостей, ты мое лучшее творение из всего, что я настроил, сконструировал. И я тебя люблю больше своей жизни и всего, что я создал.

– Пап, а мои разведчики, моя команда где? Они вернутся?

– ИР-умы запеленгуют, направят всех, кто поднялся в небо. А поднялись все летные аппараты. Идем, что панель управления нам покажет, посмотрим. И тебя пора приобщать к созиданию.

Они обошли стороной костер, где колдовала Ульяна над собранными грибами, исхитряясь сушить их на ветках, отгоняя стаи глупых бельчат. В стеклянной колбе закипал травник... Первобытная благодать.

Ей нравилось жить в белоснежной юрте, кошка Удача обходила владения, натаскивала задушенных пташек, зайчат, лисят и однажды слепого волчонка, но спать уходила неизменно к Главному, чей агрегат, похожий на громадную шестипалую стрекозу, колыхался на волнах и добывал рыбу. Она делала запасы на долгую зиму... Единственное неудобство в том, что к утру цирковое белое трико распадалось в пыль, ей приходилось прикрываться листьями папоротника, чтобы сообщить первому, что ей нужна одежда. Шпионы купались голыми, при этом совсем не умели плавать, бродили в воде, присаживались, выходили без всякого стеснения и совершенно не смотрели на ее тело, не искали взгляда, подходили редко, чтобы лишь потрогать ее косы, не скрывая изумления. Невнимание иногда казалось обидным, она сразу вспоминала Саньку, его восторженные глаза и стихи о красоте возлюбленной.

9. Первобытная благодать

Ульяна привыкла, уже не дичилась, а после купания тоже заходила в кабину первого шпиона, думала о платье, но вновь оказывалась в комбинезоне с небольшими поправками в деталях. Главный подарил ей вместо тетрадки стеклянную доску, где сказанные вслух слова появлялись на экране, словно она их записала сама, своей рукой. Они очень не любили дым, кроме ягод и запеченной в глине рыбы или пташек ничего не брали, ели очень мало, а она всегда была голодная. На ее замечание о суровой зиме, просили не волноваться, а пригласили в каюту главного, она смотрела картинки на экране, выбирая как должно выглядеть зимовье. Ей понравилась поселение, огражденное частоколом из бревен для защиты от голодных хищников в тайге. Питомцы подрастали, их тоже надо было где-то укрывать.

Наутро ей досталось уйма работы, собирать с веток кедровые орехи. Получилась огромная поляна вырубленного леса. Первый ходил по кругу со светящейся волшебной палочкой, прорезавшей дерн и коренья, следом шла многопалая каракатица главного конструктора, спихивала обточенные, как карандаши бревна в яму, тут же присыпая вал выбранной землей с наружной стороны. К вечеру появился канал от реки с прудом посередине, там уже бесновалась нагнанная рыба. А неподалеку стоял куб с окнами и дверью. Она вошла и обомлела: самый настоящий дом со всеми необходимыми предметами. Первый обернулся.

– Это хорошо, что ты зашла, я тебе покажу, что и как работает, не надо больше костров, это вредно для планеты.

В доме было все, как в квартире, даже вода из крана была горячая, и даже душ, и зеркало и много предметов неизвестного назначения, но ни одной тряпочки или полотенца. Первый рассмеялся, словно понял, о чем она подумала. Кошка Удача обходила новое владение, гордо завернув метелку хвоста к голове, оглянулась на Ульяну, и ей показалось, что кошка сказала: «дуля» вместо ожидаемого «мяу». Невозмутимая кошка продолжила шествие и завершила проверку, свернувшись калачиком на постели.

– Мне так и придется просыпаться голой? – Насупилась Уля.

– Ой, совсем забыл, – откликнулся разведлет, – сейчас закончу раскладку мебели и покажу, где домашняя, ночная одежда, постельное белье.

– А где печка, мы ж померзнем зимой.

– Не переживай, Улька, будет всегда 22 градуса тепла. Дом от солнца тепло берет.

– Нам на троих еще погреб нужен, запасы сбережь, тут бы еще подполье сделать надо...

– Хорошо-хорошо, мы узнаем какие функции выполняют эти сооружения. А может быть, холодильником обойдешься? Вот потрогай полки... Примерзают пальчики? Значит, ничего не испортится, ничего не пропадет. Привыкнешь быстро, понравится. Здесь ночевать будешь или в палатку пойдешь? Мы хотели свернуть ее.

– А скотину, зверят куда денем? Не в дом же тащить?

– Ну-у... задала задачу, они же дикие, да-а... но в лес уже не уйдут, прикормила... Прикормила – воспитывай дальше. Места всем хватит.

– А вы где зимой спать будете?

– Как обычно, в кабинах своих, там наш дом. Ладно, Уля, обживайся, спрашивай, но костер не разводи больше.

Ульяна потрогала край кровати, присела, кошка с шипением выскочила из дома. – «Дуля-дуля-дуля!» – отчетливо доносилась со двора, кошка стремглав скрылась в кабине главного, сплавившего «стрекозу» по каналу к берегу. Удача любила только хозяина и очень обиделась, что дом поставили не для нее.

Сама ты «дуля», а я Уля, – мысленно ответила девушка и рассмеялась над тем, что всерьез начинает разговаривать с кошкой. Не-ет, это не шпионы, а сказочники. Она раскину-

лась на упругой постели, при желании она имитировала легкую волну. Перед глазами появилась светящаяся голубым цветом цифра один. Разумеется, она помнит, что первым делом надо снять одежду, в стене замигала единичка, выдвинулась полочка и утянула комбинезон. Второе – принять душ, третье – одеть пижаму, она помнит, что же они ее совсем за дурочку принимают со своими подсказками. Четвертое – пора учиться. Световые указатели вспыхивали в воздухе и гасли после правильного исполнения. На стеклянном столе не было учебников, но она послушно присела, сразу побежал текст задачи по физике, мигая знаком вопроса. Все ее прикидки в уме отражались на экране стола... Это из экзаменационного билета задача, они же готовились поступать с Санькой на физмат, папаша его добыл заранее список каверзных вопросов. Только зачем ей это сейчас, если непонятно куда попала и что будет дальше?

Стол предложил ей ознакомиться с анатомией, она быстро считывала текст, внимательно разглядывала картинки-пояснения. Следующая глава показывала, как в кино, зачатие, развитие плода из яйцеклетки, затем необходимые упражнения для самостоятельных родов, уход за младенцем.

Ульяна так зачиталась, что ей снова напомнили световые знаки о прогулке, приеме пищи, туалете и покое.

Она вышла из домика, прошлась к пепелищу костра, там ее уже ждали подросшие зайчата, белки продолжали таскать шишки, ощипывая горы веток вдоль забора, волчонок скулил, он сильно проголодался и путался под ногами. Кошка Удача сегодня не охотилась на птиц, а сидела на крыше агрегата главного и наблюдала за ними. Пруд бурлил, хищная рыба гоняла мелкую, а сбегать им было некуда. Как и все остальные, о воротах она не подумала, а мужчины не догадались. Хоть бы как-то иначе назвались сами. Первый? Главный? У человека должно быть имя. Тут она задумалась, а как она назовет ребенка? Непременно будет сын, иначе ей не управиться без подмоги. И без календаря она не могла определить срок. С перепугу она даже не отмечала черточками минувшие дни. Недели? Сколько времени прошло с того вечера, когда они с Санькой приметили в небе сверкающую точку разведлета? Она силилась вспомнить событие за событием, то ей казалось, что прошла вечность, то не больше недели, как они здесь приземлились с Первушей.

Вот и будет Первушей, чем не имя, раз само на ум пришло. А главный не расстается со своей «стрекозой» – на все лапки мастерицей. Козой его не назовешь, суров слишком. Кузьмой? Простовато как-то. Нет, главный – так главный. Бог с ним. Волчок трусил за ней, прихватывая за пятки, так и вошел в дом.

Первуша засовывал огромную стерлядку в какую-то нишу, хвост не уместился и хлестал воздух, но вдруг обмяк и провалился, крышка плавно съехала вниз. Из нижней ячейки выехала тарелка с дымящимся куском пропаренной рыбы. Ох, как же не хватало соли к ней!

– Соли? – Переспросил за ужином главный, – а где она бывает эта соль?

– Соль-то? Как где, в магазинах продается, в каждом доме соль есть, чудик!

– Чудик – это мое имя? – Улыбнулся главный.

– Не совсем имя, больше прозвище, но вам идет. Вы не обиделись?

– Нет, обиды непродуктивны, мне нравится имя, но что означает слово «продается»?

– Ну как? Продается за деньги, бесплатно можно у соседки щепотку занять, но это на один раз посолить, а у нас нет соседей и магазинов нет. А-а у вас и денег нет... Да? Поэтому дурачитесь?

– Денег нет и быть не может, золота тоже нет, но его и невозможно есть. Ты говоришь о товарообмене, мне кажется, я догадался, что значит продавать-покупать-магазин-бесплатно.

– Нет-нет, магазин – только платно! Иначе это кража – преступление – тюрьма.

– Неправильно. «Преступление и наказание» Достоевский написал.

– Вы оба чудики...

– Ульяна, я Первуша, мой папа – Чудик. Это хорошо. Мы знаем, что такое соль, сахар, золото. Все это хранится на складе. А у нас только аварийный и неприкосновенный запас. Я разведлет и задачу понял. Скажи, что тебе нужно еще? Платье? Шубу? Золото? Тетрадку?

– Валенки и ручку, карандаш и немного денег, чтобы написать письмо Саньке. А где ты все это купишь?

– Я все найду, девочка, я чуточку волшебник, а не шпион.

– А мы всегда здесь будем кушать? Почему вы себе не устроите такие домики?

– Не кушать, а трапезничать. Да, пока всегда. Это аварийный домик, он один.

– И только потому, что дед-старожил наш крайне предусмотрительный консерватор.

– Он консервирует?! Надо же, – удивилась Улька, – тогда еще посуда нужна, если добудешь сахар, мне банки нужны – варенья-соления закрывать. Я умею.

– А кошку-собаку не хочешь?

– Хочу... и еще корову.

– На сегодня достаточно. Посуду поставь на самую нижнюю полку под «плитой». Потом отбой.

– Спокойной ночи.

– Есть, командир, – рассмеялись мужчины и ушли.

10. Соучастница

Необычный лязг и позвякивание не сразу разбудили Ульяну. Она видела себя маленькой, мама крепко держала ее за руку, а корова жевала сено, дергая железную цепь, наброшенную на загородку стойла. Кобеля отпустили на волю, а цепь мимоходом бросили за ненадобностью.

– Проходите, проходите, матушка, я научу вас доить, – ласково звала Мотя, но мама только крепче сжимала руку, не решаясь войти в бревенчатый сарай.

Утро только занималось, выпала роса, они уже промочили ноги и чувствовали себя неуютно на пороге чужого хозяйства. Но и стоять на виду неблагоразумно. Они присели на скамеечке, Мотя щебетала, то с коровой, то с ними, объясняя, что надо ласково подходить к Милочке, чтобы та допустила к вымени, не выбивала ведро копытом. Постепенно рука матери ослабла, она тихо заплакала, Мотя отвернулась, приговаривая что-то утешительное себе под нос. Уля уткнулась в мамины юбки и сразу уснула после дальней дороги. Проснулась она в светлой горнице на мягких перинах, две крестьянки сидели к ней спиной, тихо переговариваясь, пили чай из блюдца, шум самовара и разбудил ее.

– Поднимайся, красавица, – услышала она, – принимай хозяйство.

Уля отвела взгляд от угла с иконами, увидела на пороге дома Первушу, вновь закрыла глаза. Как звали мамочку, она так и не вспомнила, но сон окончательно покинул ее. Как давно она не видела мамочку, а тут... Маячили напоминалки, после всех процедур умывания-одевания она вышла на порог.

Несколько дощатых коробов стояли в ряд у забора. Как они здесь оказались? И зачем столько тазов и ведер?

Первуша с Чудиком сбрасывали шлемы и скафандры, чтобы окунуться в реке, она отвернулась, ушла осматривать дальше. На контейнере с мешками муки истошно вопил тощий котенок, видно забрался через щели в досках и спал там, когда его подняли в воздух. Она долго кискала, но он боялся и белок, окруживших его, и человека, нырнул через свою лазейку вовнутрь. Уля сбегала за кусочком рыбы и, просунув руку меж досок, протянула ладонь с приманкой. После некоторого затишья она почувствовала, что он принохивается и, схватив кусочек, урчит в темноте.

Подшли счастливые добытчики, подивились шипящему члену экипажа. Первуша ловко ухватил его за шкурку, отнес в дом, сунул в какую-то ячейку в стене и выдал чистого заморыша в руки Ульяне. Котенок был в ступоре, ему что-то капнули на язычок, напоили через трубочку и уложили спать осоловевшего малыша на подоконник.

Ульяна давно перестала удивляться, но по трафаретным надписям на таре поняла, что все добро с военного склада. Их просто расстреляют, когда найдут. А искать непременно будут. Ухватить круговым клещевым захватом и унести целый сарай могла только «стрекоза» главного, ясно, что стены рассыпались при перелете, крышу разметало. И сказать-то им было нечего за такие подвиги. А ребята подсчитывали запасы, сокрушались, что на тысячу лет маловато будет.

– Вы что, боги? Неизвестно проживем ли мы еще один день за такие проделки?

– Разве что-то не так, Ульяна? Разве не на базе хранят запасы для человечества? Вот все есть – и зерно, и мука, инвентарь настоящий, железный, валенки, а тетрадок нет, и золота нет. Вот зачем тебе это?

– Я хотела письмо написать Саньке, чтобы не переживал сильно...

– Письмо? То есть сообщение. Понятно, иной связи вы еще не изобрели.

– Ну почему? Телефонная, телеграфная связь, но все это в городах, а мы в тайге. И как мы войдем в город или поселок в таком виде? Если сразу не арестуют, то примут за привидения. Люди иначе одеваются. И обуваются!

– Разве? А когда я увидел тебя, то подумал, что вы как в раю ходите нагими.

Ульяна покраснела, отвернулась. Первуша пожал плечами, посмотрел на отца.

– Ладно-ладно, слетаем мы за твоим Санькой, если уж это так важно.

– Не надо, ему в университет поступать, не трогайте его.

– Ты скажи, если хочешь вернуться? Мы же стараемся так, как мы это понимаем.

– Возвращаться мне нельзя, но и воровать грешно по любым законам.

– Мы знаем заповеди, но разве стратегический запас не для людей создан? И как это «расстрелять»? Мы не понимаем значения слова, действия?

– А говорите, читали Достоевского, там Раскольников-то старушку убил топориком как раз за денежку.

– Ульяна! Это же роман, а не реальная жизнь! Разве можно убивать? Неужели у вас ору-
дуют такими способами?! Всего-то тридцать второй год, а не девятнадцатый век!

– Двадцатый век сейчас! Тысяча девятьсот тридцать второй год, ребята!

– О, Господи... С цифровыми обозначениями нужно точнее обращаться, девочка!

Они резко развернулись и почти побежали в каюту главного, совещаться наверно. Уля смотрела вслед, ничуть не сомневаясь, что попала к шпионам, что ее-то участь ясна, но вот маленький... В чем неродившийся виновен? Она решительно направилась вслед за ними, если она соучастница, то имеет право все знать, тем более Первушу никто за язык не тянул, он сам назвал себя разведчиком. Да и говорят они, не как на родном языке, а на хорошо выученном. Волчок увязался за ней, а кошка Удача сразу выдала ее приближение, фыркнув: «Дуля!», скрылась в кабине главного. Никто не выглянул, люк не захлопнулся перед носом, но голосов было больше и один мягкий женский.

11. Киноистория

Ирка ничего толком не прояснила, как юная поэтесса, сравнила жизнь с течением реки, сообщила, что мы появляемся из неоткуда и уходим в никуда, но при этом ничто не исчезает – не умирает, что все преобразуется, что процесс любого действия имеет свои циклы, которые люди привыкли называть временами, так удобней вести отсчет от начала до следующей стадии. Она предложила посмотреть ретроспективу советского периода развития человечества в этом конкретном месте, чтобы определить вектор собственных действий. Ирум поддержал идею, переключился на архив базы данных Петровичей. Вошла Ульяна, ее жестом пригласили посмотреть «киноисторию».

Если Ирум направляет архивную информацию на удаленный канал Ирки, значит, сама база академгородка не исчезла, может быть, промчался ураган и все живы-здоровы? Что за чушь тогда, что родители еще не родились, не встретились? И кто тогда родится, если он уже существует вместе со всем своим потомством? Главный конструктор был зол на Ирку. Академик, маман с батей и кошками преспокойно сидят в климатроне, терпеливо дожидаются обещанной связи с сыном и внуком. Куда она завела нас, экспериментируя с искривлениями в космосе? Что она нам демонстрирует? Я все это проходил в школе и фильмы о войне смотрел, а для девочки это шок, фантастику она не читала, да и не могла читать. А волосы у нее изумительные, он помнит с детства удивительный восторг огненного ветра маминых волос на слепящем солнце, когда они качались на качелях. Да, мама была рыжей, а теперь совсем седая. А девочка русоголовая, но тоже красивая. Главная задача – сберечь ее жизнь, создать научный центр. Может быть, послать распечатку рассказа о «кошачьем боге» мальчику Саньке? Все же записано ее почерком, только как бумажный носитель создать, не имея производства. Древоины, железа завалились, а подручного оборудования нет!

– Досадно... – произнес он вслух.

Ульяна обернулась неприязненно.

– Это американское кино? Зачем вам я? Я ничего не знаю, я еще ребенок, не знаю никаких секретов, я и в тайге плохой проводник, вам охотники нужны...

– Пожалуй, ты права, Уля...

– Но ведь тебе угрожала опасность, я же разведчик, я обязан помочь. Ты вполне могла остаться на берегу, не идти за мной.

– Первуша, а что ты разведываешь?

– Я ищу металл, минералы, живые организмы, не известные в природе.

– Так ты геолог! – Обрадовалась Ульяна, – Вы все со своей базы перетащили на новое место, а свою команду потеряли. Это из-за меня получилось?

– Ну, ты и фантазерка, барышня! Почему же из-за тебя?

– Ну... застряли в болоте, меня выручили, время потеряли.

– Время-я... – протянул Чудик, расплываясь в улыбке.

Мужчины переглянулись.

– Слышишь, Ирка, а время-то все-таки существует!

– Расчетное, полетное, конечно, существует. Что вы так цепляетесь за это обозначение? – Спокойно ответил мамин голос за кадром.

– А кто здесь еще?

Ульяна сделала круглые глаза, озираясь по сторонам.

– Радио слышала? Вот мы говорим по радио...

– Так просто?!

– Не очень просто, наоборот, довольно сложно для твоего понимания. Ты смотри кино, смотри, нас не слушай...

– Ирка! Включай академгородок, давай прямую связь с домом! Будешь дурачить нас со своим Ирумом, получишь в лоб.

– Задача ясна, командир. Работаем. Пока не получается интерпретировать квантовые условия Бора на основе волновых представлений среди сигналов со всей галактики.

– Оставь Бора в покое, дебройлевские волны просканируй. Или ты отупела, получив власть надо мной?

– Ты не сказал волшебное слово.

– Пожалуйста, будь любезна... Довольна?

– Я другого ждала...

– Ну-ну, еще зареви... Заткнись, дура! Ир-ум – работать одному до моего личного приказа о включении Ир-ки.

– Да, командир. Задача принята. Эмоции губительны для разума.

– Вот-вот, работай самостоятельно.

– Спасибо Петровичам, – вздохнул разведлет. – Уля...

Он хотел позвать девушку на воздух, да и давно пора завтракать, а не киносеансы устраивать, но она его не слышала, слезы катились по щекам, на экране катюша громила фашистские позиции...

– Не-ет, это лишнее для ее положения, – сказал он командиру, тот в ответ кивнул.

Сеанс окончился. Ульяна все еще находилась в гуще событий, богатое воображение рисовало продолжение фильма.

– Погладь ее по голове, выводите отсюда, надо подсчитать до завтрака, что мы имеем в плюсе, – сказал главный конструктор.

– И купить ей тетрадок и чернил. Пусть перепишет нашу историю на бумаге.

– Согласен, командир, будем беречь ее...

– Ау! Земля вызывает! Трапезничать пора.

– Так у нас не говорят, вас сразу за чужих примут.

Ирум показал действующий постоянный сигнал приемника, координаты: Москва, Кремль. Соединять?

– Москва, Кремль... Ульяна хочешь поговорить?

Девушка замерла на полушаге, обернулась.

– Дай-дай, дай трубку!

– Соединяю, просто говори, тебя услышат.

– Приемная Сталина, – ответил бодрый голос.

– Здравствуйте-здоровствуйте! – Зачастила взволновано Уля.

– Здравствуйте, девушка, как ваше имя? – Вкрадчиво ответил тот же голос, – Говорите, не стесняйтесь...

– Ульяна, Мещерова Ульяна...

– Здравствуйте, Мещерова Ульяна, что передать товарищу Сталину? Что Вы хотели спросить?

– Я... я хотела спросить, а где моя мама?

– А что с вашей мамой, Ульяна Мещерова?

– Я... я давно ее не видела, я... даже имени не помню, – она захлопала носом.

– Я все узнаю и обязательно сообщу вам, а вы где находитесь?

– Я... в тайге, – она отпрянула от экрана, в который она кричала, чтобы ее услышали.

– У вас есть телефон? В тайге?!

– Есть...

– А как город называется? Сколько вам лет?

– Семнадцать. Почти...

А города нет. И связи нет. Бегущая строка на экране погасла, Ульяне показалось, что она оглохла от наступившей тишины. Какая же она дура! Выдала себя с головой. Теперь заново начнут искать. Крестьянки ей тогда сказали, что барыня в Кремль отправилась, правды искать. Вот мама и не вернулась. Потом Мотя, как старшая в доме, пристроилась в городе няней, деньги зарабатывала на налоги, но на людях никогда не признавала отца и брата за родных. Единичники... значит, против колхозов, против советов. Выходит, что дед и батя чужими были для Ульки, а она и не знала, только сейчас прозревать стала. А ведь она хотела другое сказать товарищу Сталину, что в тайге американские шпионы. И она уверена, что они не сомневались в ее намерении, они читали ее мысли, видели ее насквозь, и ничего не боялись. Удивительно!

12. Мотя

Реакция на звонок была скорой, уже через час в сторону Серебряного Бора мчались служивые. Профессора застали за воскресным обедом, выволокли из-за стола, требуя сказать, где прячет Мещерову Ульяну, почему она изволит шутить с органами. Опрокинутый борщ заливал белую скатерть, криминалисты помчались в кабинет снимать отпечатки пальцев с телефонной трубки. Мотя, как была в кладовке за кухней, так и осела на пол. Девочка жива! Взлетела занавеска в проеме двери и опала, топот был уже на лестнице. Они ее не заметили в темноте. Она тихонечко поставила банку с компотом на половик, лежа на брюхе, выглянула осторожно, выбралась через окно в сад, на ходу снимая белый фартук, пригибаясь, по тропке меж кустов смородины, прокралась к оврагу. Там она столкнулась с Санькой, он понуро пробирался домой от речки. Она прижала ему ладонью рот, заставила присесть, чтобы случайно никто не приметил, прошептала, что надо уходить.

Она повела его не в сторону города по дороге, а в обход деревушек, через Щукино и Стрешнево к Соколу, откуда можно уехать попуткой или на телеге с колхозником. Мотя толково объяснила, что надо устраиваться на работу, что в Метрострой берут молодых ребят с удовольствием, она скажет, что, мол, братишка из деревни приехал...

– Няня! Ну как в город в таком виде?! Ни костюма, ни документов, ни учебников не взял! Ничего! Как так можно жить? Уля из тайги звонила! Нашли обвинение! И тайгу в папином кабинете! Бред какой-то, бред сивой кобылы.

А Мотя словно не слышала.

– Вот и поживем на Сивцевом вражке, не у кобылы, у нашей родни, город большой, затеяемся. А что весь народ без белой рубашки, без костюма живет, это ничего, это нормально. Загорелый, нечесанный, как раз сойдешь за деревенского. Ой, только не умничай, с завода тоже учиться посылают, слыхивала. Сейчас, главное, шкуру сберечь... А я-то обомлела, как услышала, что Улька жива!

– А папа, что с папой?

– Папа-то? Папа профессор, помурьжат, конечно, потом отпустят. Барыня уж всех на ноги поднимут. Ты, главное, сам не попадайся под горячую руку. А там и Улька прибьется, откуда ни возьмись.

– А я знаю, что не утонула она... Нет больше барынь, няня, не называй так больше маму мою.

– Знаешь... так забудь, чего знаешь, – отрезала няня, пропустив мимо ушей замечание. И Санька по привычке подчинялся, шел за ней как теленок за коровой.

– Нет, нянь, я сердцем знаю, я во сне с ней говорю, вижу ее часто. Как глаза закрою – вижу!

– Об чем же говорить-то... – улыбнулась Мотя, – знамо дело, о любви. Тело-то молодое, любви просит, жизни... А вот ей-бо житья-то нетути. Перемяться придется...

– Нянь, ну чего «нетути»? Никак говорить не научишься разумно.

– Глупая нянька, глупая... не будет Мотя профессором, мадамой тоже не будет, глупая совсем потому что. Так уж доля моя, сынок. Не обижай Мотю, я ведь люблю вас, родненькие, своих-то не привелось иметь...

Санька отвернулся, не любил он слезливых излияний Моти, хитро пользующейся своей мудрой «глупостью»...

Ни маман, ни папа больше не вернулись. После армии он успел поступить в институт и закончить перед войной. Его завод эвакуировался в Сибирь, снять бронь так и не удалось. Возвращаться было некуда, только к няне, работавшей дворником все на том же Сивцевом

вражке, и она как-то исхитрилась прописать его в свою коммуналку. Ульяна так и не объявилась, если не считать, что Мотя передала ему тетрадку, исписанную ее почерком.

Некая фантазия о запрещенной генетике, говорящих кошках, таинственных вирусах. Складывалось впечатление, что писал специалист в области микробиологии. Он решил, что это намек на ее профессию, намек, в каких научных кругах искать ее. Няня никак не могла объяснить появление этого странного пакета под половиком, куда она прятала ключ.

Улька была здесь, но не нашла его, что немудрено по тем временам. Он увлекся формулами из тетрадки, пришлось еще поучиться химии, биологии, окончил аспирантуру, но уже не по стопам отца.

В день блуждающей звезды он приезжал на место их тайных встреч, но после бомбежек уже не нашел его, бродил рядом, лежал на траве до самых звезд и холодной росы...

13. Виктория

Ульяна задумчиво сидела на пороге дома, держа на коленях доску и раскрытую тетрадку. Она ничего не писала, а смотрела на звезды. Здесь они падали редко, и она могла подолгу смотреть в темноту, не обращая внимания на призывы мальчиков все-таки поужинать. Четырнадцатилетний сын присел рядом, чмокнув ее в макушку, уроки для него на сегодня закончились, даже чистописание в тетрадке он исполнил беспрекословно.

Ей удалось убедить чудиков, что рано или поздно, они должны выйти в люди, чтобы сын получил образование, стал полноправным жителем страны, поэтому она учила его сама помимо компьютерного обучения. Она улыбнулась, вспомнив его рождение и спор об имени.

– Вот, Уля, держи сына, – сказал разведлет, бескровно перерезав пуповину волшебной палочкой – лазерным ножом, – как ты его назовешь?

– Виктором...

– Почему? Мы думали – Санькой.

– Виктория – победа, победа над системой. Виктор Александрович. Теперь я точно знаю день блуждающей звезды, это будет мой второй праздник. Я веду свой календарь чудес.

– Дуля, – вмешалась кошка Удача, махнув хвостом, – Дуля, теперь вылизывай котенка.

– Надо же, кошка, а ревнует как свекровь.

– Ну, не наговаривай, Удача очень умная кошка, а все животные вылизывают своих котят, да и чужих тоже, не гони ее.

– Нет, Ульяна, если победа – Виктория, то почему тогда Виктор, и что значит – Александрович?

– Но он же сын, мужской род – Виктор, женский – Виктория. Санька – это только для меня Санька, а полное имя Александр, значит отчество Александрович.

– А это обязательно иметь полное имя, да еще указывать, чей он сын?

Уля рассмеялась до слез. Просто чудики!

– Обязательно и еще фамилия дается человеку «в миру», как вы говорите. И еще документы нужны. Ну-у... бумажки такие с печатями, что вот такой-то такойтович родился там-то там-то, тогда-то когда-то, за сим удостоверяю: начальник, подпись, печать органа, выдавшего документ.

– Органа? – подивились чудики, – орган какой части тела?

– Ай, как сложно с вами в простых вещах... – отмахнулась Уля, – поищите в компе образцы документов, нам отдыхать пора. Меня кот посторожит, мявкнет, если что-то вдруг понадобится. Кот ученый, ус крученный, – напевала она младенцу, побуждая к сосанию.

Кот отвернулся обиженно, малыш кривил рожицы, но никак не захватывал сосок, чтобы попробовать грудь. Уля капнула молочком на язык, сынуля рот закрыл, она уловила момент позевывания и наконец-то приложила его к груди, новорожденный начал сосать, щекотливо и больно вытягивая молоко из нерасцеженной груди. А чудики никуда не ушли, зачарованно смотрели на сияющее лицо новоявленной мамочки, ничего вокруг не замечающей.

Уля вздохнула, трепетные, незабываемые чувства... Виктор удался в Саньку, с каждым годом все ярче проявлялись черты лица, даже жесты. Такая же феноменальная память, улыбка... Она обняла сына.

– Папку ждешь? – спросил он.

– Да, малыш, я чувствую его. Ему грустно, как и нам, но немножечко, ибо много дел.

– Ты мне сказала, что можно сразу быть в двух местах одновременно.

– Можно, ну и что? Даже в трех, пожалуй, можно...

– Почему ты об этом чудикам не расскажешь? Они живые люди, тяжело разлуку с домом переживают. Ты не замечала? Видеосвязь, это конечно, неплохо. Уже неплохо... Но каждый стремится понять сущность явлений, а ты молчишь, не замечаешь.

– Разве, Виктор? Не замечала...

– Да, мамчик, да! Об этом надо рассказать, если ты узнала это.

– Ну-у, – потянула Ульяна, – ну это же так просто! Шкурка тела здесь, душа витает в облаках, а когда я пишу сказку, мысленно я здесь отсутствую. Чего уж проще?! При этом мир столь многогранный, что можно заблудиться. Я полагаю, они заблудились, а главный напрасно подозревает и злится на Ирку, она же его любит.

– Мааам! ИР-ка не человек, а счетная машина! Грубо говоря.

– Ирка мыслит? Мыслит. Значит и в способности любить ей отказать нельзя. Неправильно. Нельзя запрещать любить.

– Допускаю, что можно любить без тела – на расстоянии. Допускаю. Ладно. Но любят не мозгами, а чувствами, эмоциями, сердцем.

– Точно так... Правильно. Тем более правильно. ИР-ка уникальный разум, новая эра познания любви – умом. И это твое открытие, сынок. Вот именно поэтому она может решать немислимые задачи, а Ирум – нет.

– Очень интересно, что не смог сделать Ирум? Ну, приведи пример.

Ульяна перебирала в памяти всякие решения для бытовых проблем и вдруг рассмеялась.

– Когда ты родился, Первуша испугался, что в аварийных летягах памперсов нет.

– А что это такое – памперсы?

– Наверде одноразовых пеленок для маленьких, трусики такие... Я сама не видела ни разу, но у нас же на складе портяночной фланели несколько рулонов, так, конечно, пеленок я давно сама нарезала. Главный говорит Ирке: «Что делать будем?» А она отвечает: «Поднимись на тысячу лет позже и возьми из дома». Это же так просто!

– Так почему же они не поднимутся к своим родным?

– А он не доверяет Ирке, вот и вся проблема. И еще мы с тобой ждем случая, чтобы податься к людям незаметно.

– Люди... они такие же, как мы? Почему нужно незаметно, в чем опасность?

– В системе... То, что мы с тобой знаем, рано доводить до умов, не поймут. Просто не поймут.

– Но почему не поймут? Все кругом дураки что ли? Мы-то поняли, мамчик!

– Сынок... читай больше историю. Начни с Ветхого завета. Читай! И если найдешь хоть одного пророка, которого не убили, а прославили, мы выйдем из заточения, отпустим чудиков к бабуле...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.